

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения

MONGOLICA-VII

посвящается 100-летию со дня рождения Д. Нацагдоржа
(монг. Д. Нацагдорж)

Составитель И. В. Кульганек

St. Petersburg
2007

УДК 951.93
ББК ТЗ(5Мо)

Редакционная коллегия:
И. В. Кульганек (председатель), *Л. Г. Скородумова*, *Н. С. Яхонтова*

Проект реализован при финансовой поддержке Правительства Санкт-Петербурга

Монголика-VII: Сб. ст. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. — 144 с.

Сборник посвящен 100-летию со дня рождения Дашдоржийна Нацагдорджа (монг. Дашдоржийн Нацагдорж) (1906—1937) — выдающегося монгольского поэта, драматурга, писателя, переводчика, общественного деятеля, одного из самых образованных людей Монголии своего времени. Значение творчества Д. Нацагдорджа для культуры Монголии неосценимо. Его по праву можно назвать основоположником новой национальной реалистической литературы, воедино связавшим в своем творчестве фольклорные традиции и авторское литературное новаторство.

Основными авторами сборника являются преимущественно ученые петербургской школы, хотя многие из них работают в настоящее время, помимо Санкт-Петербурга, в научных центрах Москвы, Бурятии, Калмыкии, где сосредоточена отечественная монголистика.

Статьи написаны в русле основных научных приоритетов и с позиций современного монголоведения, для которого историко-культурные проблемы монгольязычных народов существенны, несут важную общественную нагрузку и имеют как чисто научное, так и общеисторическое практическое значение.

«Монголика-VII» имеет 7 разделов — «Литературоведение и фольклористика», «Историография и источниковедение», «Научные архивы востоковедов», «Наши переводы», «Новости научной жизни», «Рецензии», мемориальная часть сборника посвящена научному и художественному наследию Д. Нацагдорджа.

Сборник статей рассчитан на специалистов-монголоведов, историков науки, культурологов и всех, интересующихся историей России и Центральной Азии.

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена. Любое использование материалов данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издательства.

No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval systems or transmitted in any form or by any means: electronic, magnetic tape, mechanical, photocopying, recording or otherwise without permission in writing form of the publishing house.

ISBN 978-5-85803-360-8

9 785858 033608

© Петербургское Востоковедение, 2007

© Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН

Зарегистрированная торговая марка

Содержание

Предисловие	5
К. Н. Яцковская	Из рода «хранителей тайны огня»	10
Л. К. Герасимович	Еще раз о рассказе Д. Нацагдорджа «Слезы ламы»	20
Л. Г. Скородумова	Мифопоэтическая концепция в творчестве Д. Нацагдоржа (Опыт реконструкции текста)	23
Л. С. Дампилова	Д. Нацагдордж и современная монгольязычная поэзия	32
Литературоведение, фольклористика		
М. П. Петрова	Поэтика постмодернизма в романе Г. Аюрзаны «Долг в десять снов»	35
Б. С. Дугаров	Образ Хормусты в монгольской эпической традиции	37
К. А. Эдлеева	Жанрово-композиционное своеобразие магтала	41
Д. А. Николаева	Генезис мифоритуальных аспектов кругового танца «ёхор» у западных бурят	46
Д. Нансалма	Одежда монголов	54
Историография и источниковедение		
Е. И. Кычанов	Отголоски сюжета об «избиении младенцев» в рассказах о предках Чингис-хана	57
Н. А. Лифанов	Род Тайчжиуд и начало монгольской государственности	59
А. Г. Юрченко	Кумысная церемония при дворе Бату-хана	62
Ю. И. Дробышев	Экологические сюжеты в средневековом монгольском законодательстве	71
В. Л. Успенский	Монгольские рукописи и ксилографы, поступившие в Санкт-Петербургский университет от А. В. Попова	83
Научные архивы востоковедов		
	Из воспоминаний М. И. Клягиной-Кондратьевой	87
	Письма А. Д. Симукова к П. К. Козлову и Е. В. Козловой	102
Наши переводы		
	Из поэзии Д. Нацагдорджа	110
Ц. Тумэнбаяр	Уральская рябинушка	112
	Из современной монгольской прозы	114
Новости научной жизни		
	Конференция, посвященная Агвану Доржиеву (Санкт-Петербург, Россия)	120
	Конференция, посвященная эпосу «Джангар» (Урумчи, Китай)	123
Обзоры и рецензии		
	Обзор изданий на русском языке по монголоведению за 2006—2007 годы	126
	Рецензии	133
Некролог	138
Summary	140

К. Н. Яцковская

Из рода «хранителей тайны огня»

В ноябре 2006 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Дашдорджийна Нацагдорджа (1906—1937). Ему выпала судьба жить в чрезвычайно сложный и трудный период истории Монголии. Он с энтузиазмом встретил революцию 1921 г., открывшую перед монгольской интеллигенцией небывалые горизонты. Стремительная карьера юного помощника писаря ярко отразила необычайный для Монголии активный ход строительства новой жизни. Отец Нацагдорджа Дашдордж был профессиональным писарем, следовательно, периодически нес службу в канцелярии. Дашдордж был приписан к Военному ведомству в Автономной Монголии. Есть сведения о том, что он работал в нем в разное время, начиная с 1911 г. В Монголии специальность писаря (*бичээч*'а) считалась важной и ответственной, особенно если он был под стать писцу, владевшему скорописью. С конца 1918 г. и в начале 1919 г. рядом с отцом трудился Нацагдордж. Он был в полном смысле слова потомственным писцом. Дашдордж приносил домой всевозможные книги и часто поручал сыну, прошедшему обучение в домашней школе, переписывать отдельные страницы. Постепенно Дашдордж познакомил Нацагдорджа с такими сочинениями, как сборник дидактических изречений «Ключ разума» («*Оюун тухуур*»), «Повесть о двух Серых скакунах Чингиса» («*Чингисийн хоёр эр загалын тууж*»), а также с популярной в те годы сказкой-аллегорией Гэндэн-мэйрэна (1820—1882) «О собачке, кошке и мышке» («*Хав муур хулгана гурвын үлгэр*»). Нацагдордж стал настоящим писцом в традиционном понимании этой профессии, издавна известной не только у монголов. В столице вместе с отцом они жили в юрте, которая не выделялась особенной обстановкой, лишними вещами. Те, кому довелось бывать у них, обращали внимание на обилие аккуратно сложенных книг, сутр, ксилографов, на приятную чистоту и порядок в их доме (см.: [28: 52]). Современники будущего писателя отмечали, что у Нацагдорджа всегда была с собой какая-нибудь книга из домашней библиотеки. Иллюстрацией тому может служить известная фотография молодого Нацагдорджа: он стоит в монголь-

ском *дэле* (монгольской национальной верхней одежде) у какой-то ограды, держась за нее правой рукой, в опущенной вниз левой руке — сложенная пополам тетрадь рукописной книги. Закончив работу с деловыми бумагами, он по обыкновению погружался в чтение.

В первые годы революции Д. Нацагдордж, с его искусством писца, был востребован в самых высоких органах власти. Нацагдордж оказывается в самой гуще столичных событий. Каждый день он работает среди выдающихся деятелей новой Монголии. Рядом — легендарный Сухе-Батор, прославленный народный герой Магсарджав, молодой энергичный руководитель Чойбалсан. Нацагдордж старательно исполняет свои обязанности. Он участвует в просветительской деятельности новых очагов культуры, всей душой отдается пробуждению народа к новой жизни. Нацагдорджа выдвигают и избирают в высшие партийные, государственные и общественные организации. В памяти будущего писателя остаются важные приметы времени, характерные детали революционной обстановки, картины жизни старой Урги с множеством ее монастырей, судьбы самых разных жителей столицы.

Революционная эпоха стимулировала творческие искания. Среди множества занятий Нацагдорджа было и деятельное авторское участие в театральной жизни столицы, за что в 1923 г. наряду с известными литераторами он был отмечен денежной премией в 350 лан. Первыми произведениями Нацагдорджа принято считать песни, написанные им к спектаклям, ставившимся в 20-е гг. молодежным театральным коллективом. Из них сохранилась только одна — «Голубеет вдали» («*Цэнхэрлэн харагдана*»). Ее исполняли в постановке по старинной повести «Ушаандар». «Голубеет вдали» — не вполне оригинальное произведение. Возможно, это обработка народной лирической песни. К первым авторским сочинениям Нацагдорджа сейчас относят пьесы, в постановке которых он участвовал и как автор, и как актер молодежного театрального коллектива (см.: [28: 69—70]). Как бы там ни было, работа Нацагдорджа над песня-

ми на ранних этапах творчества способствовала постижению богатств и особенностей народного стиха. Нацагдордж выступает на страницах печати с разного рода публицистическими и просветительскими статьями. Постепенно пополняется тетрадь с перебеленными, видимо, самыми дорогими для него текстами стихотворений; от руки записываются тексты прозаических и драматургических произведений. В Нацагдордже с детства был воспитан старательный каллиграф, поэтому каждая страница его рукописных тетрадей красива сама по себе. Каждый знак имеет свое совершенное написание. По частям создавалась и в рукописных листках отдавалась в театр поэма, которая впоследствии легла в основу будущей классической оперы «Три печальных холма» («*Учиртай гурван толгой*»). Нацагдордж всегда и неизменно был верен главному своему призванию — литературному творчеству.

Смерть Д. Нацагдорджа на 31-м году жизни потрясает твоей трагичностью, невольной подготовленностью несчастливой жизнью последних лет. Сколько он не успел написать? Со времени скорострительной кончины его имя, его разбросанные по периодическим изданиям произведения не знали забвения. Их хранила память всех, кто хоть раз прикоснулся к ним, затверживая строки ставших классическими стихотворений. С приходом новых поколений в научную и писательскую среду с нового уровня — десятилетие за десятилетием — идет погружение в мир Нацагдорджа. Каждому новому поколению важно знать о нем все — понять его мироощущение, человеческую радость и боль, счастье и горе, понять, как может человек за свои, так мало отпущенные, годы жизни так много сделать, и главное — как смог он предвидеть будущее, войти в него и остаться для всех живым современником.

В истории духовной культуры человечества есть подобные общеизвестные примеры. Их ряд продолжает Д. Нацагдордж. Он занимает в этом ряду свое место по праву творца, явившего миру в своем герое человека, что жил в стране на рубеже революционных преобразований, участвовал в революционном строительстве, познавал ступень за ступенью трудности, противоречия, сложности созидания нового. Его поэзия, проза, драматургические произведения на протяжении многих десятилетий остаются востребованными у многих поколений читателей, они просто стали классикой. Многогранность литературного творчества Нацагдорджа, погружение в научную работу, мастерство художественного перевода — все, чем бы он ни занимался, с одной стороны, неистощимо питал его большой талант, с другой — верно служили возможности монгольской культуры, способной воспринять, привить на оригинальном традиционном поле те богатства, что были созданы за пределами Центральной Азии. Так, Нацагдордж, удивляя ясностью и богатством своего поэтического языка, любовью к своим литературным героям, в то же самое время явил необыкновенное проникновение в западную культуру и литературу. Он всегда

оставался глубоко национальным писателем, погруженным в традиции монгольского фольклора и классической литературы и безусловно существовавшим в монгольской действительности.

Что же было в жизни и творчестве Д. Нацагдорджа такого, что по прошествии не одного десятилетия продолжает привлекать к нему внимание, ни на йоту не умаляя искреннего человеческого почтения? Почему и в XXI в. его имя остается на устах живущих ныне? Ответы на эти вопросы дает сам Нацагдордж, дают оказавшиеся бессмертными его произведения. Его стихи и проза прежде всего хранят в себе волнующие переживания любви к человеку, к родной стране, они питают свежесть национального чувства. У монгольского народа есть в характере великое качество. Имя ему память. Память, что сродни почитанию. Память родины. Память о близких, но и о том, что было дорого некогда жывущим, но и о том, что было дорого несколько жизней назад. Ничто не уходит бесследно. Как раз об этом и писал Нацагдордж.

Изящество заложено в старомонгольское письмо. Сбегающие сверху вниз строки, нанизываемые на листе рукописи слева направо, заполняют тетради с дорожными впечатлениями Нацагдорджа. Как отклик поэтической души Нацагдорджа на необычайную перемену в жизни — свободу от разного рода занимаемых постов и долгий путь из Центральной Азии в центр Европы — появляется дневник «От Улан-Батора до Берлина» («*Улаанбаатараас Берлин хуртэл*»), явивший произведение в стихах, которое можно отнести к жанру «хождений», известному по средневековой монгольской литературе. На этот раз хождения, случившегося в третьем десятилетии XX в., когда Нацагдорджу исполнилось 20 лет. К этому времени он уже год жил в Ленинграде (1925), куда его послали учиться военной специальности, и за этот год он прекрасно овладел русским языком («Не знаю, как он владел немецким, — говорил мне в личной беседе о Нацагдордже в 1970 г. акад. Дамдинсүрэн, — русским языком владел хорошо»).

Он имел возможность оглянуться на запад, с которым в годы учебы за границей (Германия, 1926—1929) успел познакомиться. Творчество Нацагдорджа — живой пример превращения публициста в художника. Этот процесс шел в нем так стремительно, что его сочинения рано стали отличаться зрелостью мысли и чувства. В литературном наследии Нацагдорджа мы находим то, что волновало его как автора. Строка за строкой стихотворений, страница за страницей прозы говорят об истинной вере Нацагдорджа в правильность его отношения к литературе как к способу переделки жизни. Мы видим в его наследии традиционные лиризм и дидактику, свойственный современности историзм, открываем самые тесные связи с фольклором, с народными истоками театрального искусства и новаторски смелое соединение традиционного художественного опыта с русской литературной классикой, с западной культурой. Все эти процессы были осмысленно интегрированы талан-

том Д. Нацагдорджа и оставили свою печать в его творчестве.

В воспоминаниях современников, встречавшихся с Нацагдорджем в годы учебы в Ленинграде и в Германии, непременно отмечается, что у него всегда были с собой старые монгольские книги. Изучение истории серьезно занимало его. Наверное, не случайно впоследствии Нацагдорджу довелось заведовать сектором истории в Ученом комитете. Он написал краткую историю Монголии, читал лекции по истории Монголии в Педагогическом училище Улан-Батора. Работая в Ученом комитете, Нацагдордж оказался рядом со знаменитыми лексикографами. У него к этому времени был свой небольшой опыт работы со словарями. В музее Нацагдорджа в Улан-Баторе среди книг из его библиотеки есть русско-монгольский словарь разговорного языка халхаского наречия, изданный в России (Троицкосавск, 1910). Словарь был выпущен «для армейских служб на границе Монголии и России». На книге стоит автограф Нацагдорджа и своего рода экслибрис — красный оттиск личной печати, на которой имя владельца вырезано особым монгольским письмом, так называемым *эвхмэл жүэг*. На первой странице рукой Нацагдорджа указаны дата и место, вероятно, начала работы над русской лексикой: «15.X 1925. Ленинград». Против названия каждого словарного раздела стоит соответствующая дата «освоения». За два дня Нацагдордж «проходил» несколько разделов. Работа над словарем, явно служившим и учебником русского языка, продолжалась весь ноябрь и декабрь. Выпущенная в начале XX столетия книга содержала устаревшие сведения. Нацагдордж не пропускал их без внимания. В 40-м разделе «Деньги» после сноски, в которой сообщалось, что у монголов нет национальных денежных знаков, что в Урге имеет обращение кирпичный чай (1 кирпич — от 18 до 25 коп.), Нацагдордж пишет по-русски: «тепер есть». В конце словаря — еще несколько записей. По старомонгольски написаны дни недели: *мягмар* (вторник), *пурэв* (четверг), *бямба* (суббота). Простатривая поставленные ранее даты, легко установить, что по этим дням недели Нацагдордж работал над русской лексикой. На последней странице словаря Нацагдордж снова оставляет свой автограф (на этот раз на латинице). Еще одно слово там начертано по-русски: «Будем». Какой мысли, какой надежде, какой мечте обещал Нацагдордж свершение? Можно строить разные предположения. Ясно же одно: Нацагдордж, приехав в Ленинград учиться в военной академии, целеустремленно работал над своим русским языком, иногда даже, возможно, неожиданно начинал думать по-русски.

В музее Нацагдорджа есть еще один любопытный экспонат — русско-монгольский терминологический словарь (Верхнеудинск, 1928). Словарь был подарен Нацагдорджу другом Намнаном и послан из Ленинграда в Лейпциг, о чем гласит дарственная надпись, сделанная в январе 1929 г. Шли последние месяцы пребывания Нацагдорджа в Германии. К этому времени Нацагдордж, видимо, достаточно хорошо знал

немецкий и с очевидной легкостью превратил словарь в трехязычный (написав от руки рядом с монгольским словом его немецкое значение). Ни одно слово в словаре не оставлено без перевода на немецкий язык. Каждое написано красивым ровным почерком. Искусство монгольского профессионала-каллиграфа распространялось и на кириллицу, и на латиницу.

Годы пребывания Нацагдорджа в Ленинграде и в Германии стали переломными в его жизни, разделив ее на два этапа. В прошлом осталась его разнообразная деятельность на верхних ступенях социальной лестницы, в будущем, как оказалось, предстояла неторопливая работа научного сотрудника и активный писательский труд.

Талант Нацагдорджа позволял ему брать на себя новые обязанности. Став научным сотрудником Ученого комитета (1931—1936), он работал рядом со старейшими эрудитами, знатоками монгольского языка и памятников монгольской словесности, там ему открывались смысловые глубины, заложенные в культуру прошлых веков.

В марте 1937 г. Нацагдорджа-писателя направляют на работу в Центральный театр.

Д. Нацагдордж, конечно же, не знал, какое место будут занимать его сочинения в жизни монгольского общества на протяжении многих десятилетий XX—начала XXI в. Ему не довелось составить ни одного сборника своих сочинений, если не считать анонимной книжечки агитационно-просветительских стихотворений, выпущенной в 1935 г. Министерством здравоохранения во имя пропаганды европейской медицины в противоположность тибетской.

Первым, кто назвал Нацагдорджа родоначальником новой монгольской литературы, был акад. Ц. Дамдинсурэн (1908—1986), сам, как известно, мощно и талантливо заявивший о себе в современной литературе, встав рядом с Нацагдорджем в ее новую эпоху. Ц. Дамдинсурэн был первым собирателем литературного наследия Нацагдорджа, составителем и публикатором первой авторской книги Нацагдорджа, называвшейся «Сборник произведений» (*«Зоххиолын түүвэр»*) (1945). Во введении к этой книге знаток, собиратель и исследователь родной литературы Ц. Дамдинсурэн обратил особое внимание на то, что Нацагдордж соединил в своем творчестве старую письменную литературу с ее устными сокровищами [6: 6].

За первым сборником произведений Нацагдорджа последовали однотомники (1955; 1961). Снова главную роль в их издании играет Ц. Дамдинсурэн, а рядом с ним — первый биограф и исследователь творческого пути Нацагдорджа Б. Содном (1908—1979). В кратком предисловии в однотомнику 1961 г. Ц. Дамдинсурэн указывает на важность изучения наследия «нашего писателя-классика», публикации этого наследия и в связи с этим призывает общими усилиями разыскивать, собирать не только не известные дотоле художественные произведения, но и все, что связано с жизнью Нацагдорджа, его эписто-

лярное наследие, воспоминания современников. Этот призыв был услышан. На шестидесятые годы приходится выход книги Б. Соднома «Жизнь и творческий путь Д. Нацагдорджа» («*Дашдоржийн Нацагдоржийн намтар зохиол*») [24], публикация ранее не известного неоконченного прозаического произведения «Ненанизанный жемчуг» («*Хэлхээгүй сувд*», 1934), в отдельную книгу собираются воспоминания о Д. Нацагдордже [8]. Литературовед, профессор С. Лувсанвандан пишет эссе «*Дашдоржийн Нацагдорж*» [13]. В это же десятилетие создается скульптурный памятник писателю. Монгольский скульптор Махвал изваял Нацагдорджа в традиционной позе писца. По бокам цоколя — барельефы с персонажами из популярной оперы «Три печальных холма», спереди — написанные рукой каллиграфа факсимильные строки из стихотворения «Моя родина» («*Миний нутаг*»). Недалеко от памятника в заново построенном доме открывается музей Д. Нацагдорджа (1967).

О Д. Нацагдордже пишут за рубежом, его произведения выходят на иностранных языках. С каждым годом ширится интерес отечественных монголоведов-литературоведов к творчеству Д. Нацагдорджа [4; 14; 26; 27].

На сцене Государственного драматического театра, носящего имя Нацагдорджа, в юбилейные дни к 70-летию автора впервые была сыграна его пьеса «Старшая жена» («*Их авгай*»), с воодушевлением принята зрителями.

Монгольские филологи занялись исследованием языка и стиля Нацагдорджа-писателя, текстологическими разысканиями, определением времени написания отдельных стихотворений, установлением подлинности сохранившихся текстов (см.: [1; 11; 21; 24; 29; 30]).

Сам Д. Нацагдордж стал историческим персонажем в повестях и романах известных монгольских прозаиков, к нему — Учителю обращают свою мысль и чувства монгольские поэты. Д. Нацагдордж — лирический герой поэмы Ц. Гайтава (1929—1979) «Сын Гун галуутая» («*Гун галуутайн хүү*», 1976) (название — по местности, где родился Нацагдордж — у озера Гун галуутай) о юности Нацагдорджа, о красоте воспетой им страны, с реминисценциями из его (Нацагдорджа) поэмы «Моя родина». Читая поэму Ц. Гайтава, встречаешь образное, поэтическое переосмысление главных этапов жизни героя, напоминание об известных произведениях, о проникновенной мудрости поэта, позволяющей различать ложь и правду.

При взгляде на монгольскую литературу 30-х гг. с дистанции чуть больше, чем монгольский век (60 лет), ясно видишь фигуру Нацагдорджа, отделившуюся от писателей-современников. Его творчество стало явлением и в жизни новой Монголии, и в ее культуре. Он во многом подготовил и определил поиски современных монгольских писателей, обозначил важную роль литературных и речевых жанров. У каждого есть свой или свои любимые поэты. И у

всех монголов обязательно — Дашдорджийн Нацагдордж. Он, по образному выражению поэта М. Цэдэндорджа (1932—1982), оставил на монгольской земле вечный свет:

Запах медовый исходит от ваших стихов о цветах.
Запах вина источают стихи о созревших плодах.
Слышится звонкое ржание мчащихся степью коней,
И революции пламенный голос победный слышней.
В ваших стихах о кочевье — журчание струй родника.
В строках о дальнем аиле чувствуешь вкус молока.
Ваши стихи о любимой надежды и света полны.
Рокот истории слышится в строках о днях старины [22: 345].

Перевод Л. Букиной

С широким размахом отмечалось в Монголии 80-летие писателя. Такая годовщина — еще одна весьма почитаемая дата у монголов. В Улан-Баторе состоялась Международная теоретическая конференция, посвященная творчеству Д. Нацагдорджа. Были выпущены художественные и документальные фильмы о его жизни. В Государственном театре оперы и балета состоялась премьера яркого оперного спектакля «Слезы почтенного ламы» («*Ламбугайн нулимс*»). Участие в торжествах дочери Нацагдорджа Ананды-Шри, ее слова об отце, она сама — его плоть от плоти — позволили увидеть живые глаза Нацагдорджа, черты его лица. И еще. Призвав на помощь законы генетики, можно было предположить сходство характеров дочери и отца, открыть для себя Нацагдорджа — живого человека, с необыкновенно трепетной, доброй душой, с распахнутым и потому легко ранимым сердцем. С годами постепенно уходило воспоминание о выпавших на долю Нацагдорджа тяжких испытаниях, спрямлялся его творческий путь, высвечивая вершину за вершиной.

90-летие Д. Нацагдорджа ознаменовалось академическим изданием его произведений, выходом ряда новых книг о писателе и его творчестве. Составлена хронологическая летопись жизни Нацагдорджа (отдельные годы расписаны по месяцам и дням) [28: 173—189]. Было продолжено текстологическое исследование рукописей Нацагдорджа, что чрезвычайно важно для критического издания полных и подлинных текстов автора. Новое собрание сочинений Д. Нацагдорджа появилось в результате многолетней исследовательской работы коллектива литературоведов. Общая редакция и обширная вступительная статья принадлежит проф. Д. Цэдэву. Отметим его особый дар исключительно бережного отношения к авторскому наследию. Об этом свидетельствуют выпущенное в свет академическое издание сочинений Дашдорджийна Нацагдорджа [20], равно как и вышедшие ранее в академическом издании произведения Цэндийна Дамдинсурэна. Выпуск очередного тома трудов монгольских ученых по литературоведению, приуроченного к 90-летию со дня рождения Д. Нацагдорджа, красноречиво подтвердил успехи в монгольском нацагдорджиеведении.

Монгольскими учеными были предприняты немалые усилия в отыскании новых свидетельств, фактов из биографии писателя, в подготовке к публикации по возможности полного рукописного наследия. Филологи скрупулезно прослеживают деятельность Д. Нацагдорджа в области языкознания, отмечают его вклад в лексикографическое направление лингвистических работ; историки воздают должное Д. Нацагдорджу как руководителю их первого научного коллектива, его участию в создании трудов по отечественной истории; в научный обиход вводятся археологические материалы, собранные Д. Нацагдоржем вместе с молодым советским ученым В. А. Казакевичем в 1923 г. Добавились новые свидетельства его реалистического творчества, новые штрихи к портрету Д. Нацагдорджа — гражданина, писателя, человека.

В 90-е гг. прошлого века в Монголии открылись государственные архивы. Ученые поспешили с работой в них. Историк Г. Дашням по архивным материалам проследил генеалогию Нацагдорджа и установил, что в пятнадцатом поколении он был потомком Батмунха даян хана (1464(?)—1543) [7: 88—89]. Нацагдорджиевед Л. Балдан выверяет последние годы жизни Дашдорджийна Нацагдорджа и публикует свои наблюдения [2: 48—54] Начало 30-х гг. сопровождалось в стране волнами репрессий. Жизнь осложнялась чистками в рядах членов Народной партии, среди государственных служащих. Отец Нацагдорджа Дашдордж вступил в партию вскоре после революции, осенью 1921 г. В 1925 г. прошел партийную чистку и за социальную принадлежность к *тайджиги* был переведен из членов партии в ее кандидаты. В ходу были клеветнические наветы. Недоверие друг к другу, классовая ненависть осложняли жизнь. Нацагдордж никогда не скрывал своего социального происхождения, того, что был *тайджиги*, равно как и того, что принадлежал к роду *борджигин*, корни которого уходят во времена Чингисхана. (Знал ли Нацагдордж, что Чингисхана в сборниках молитв древнего монгольского культа огня часто называют «носителем огня», а его род, род борджигинов, часто именуют «хранителями тайны огня» (см.: [23: 302])? Во всяком случае, он не только никогда не отрекался, но скорее гордился своей принадлежностью к этому историческому роду). Нашлись люди, с пристрастием интересовавшиеся, почему в Учкоме не выполняется по отношению к Нацагдорджу указание о чистке тайджиги и феодалов. Давно известно, что Нацагдорджа арестовали в 1932 г. за товарищеский вечер — встречу Нового года по-европейски. Теперь в деле Д. Нацагдорджа было обнаружено, что на обороте известной фотографии с того вечера, переданной в органы внутренних дел, доносчиком была сделана надпись: «Банкет тайджиги Д. Нацагдорджа». Установлено также, что большинство участников вечера не избежали ареста. Из дела Нацагдорджа следует еще одна причина ареста: в тот вечер якобы отмечали образование на Востоке государства Маньчжоу-го... Нацагдордж пробыл в тюрьме с 18 мая по 19 октября 1932 г. Как

человек, сложившийся в революционную эпоху, искренне веривший в ее идеалы, получивший широкое европейское образование и знавший цену национальному культурному наследию, Нацагдордж никак не мог понять причин обрушившейся на него беды. Человек, сдержанный по природе, воспитанный в традициях, не допускающих открытого выражения эмоций, Нацагдордж отступает от этого правила в тюрьме. Он недоумевает, отчего заключен в тюрьму вместе с репрессированными феодалами... Он пишет цикл стихотворений «Тюрьма» («Гяндан»). Все они — крик, боль, стенания, взывание к справедливости человека невинного, тяжело переживающего насильственную разлуку с любимой женой, мольба о свободе. При всех несчастьях главной его опорой остается надежда.

Стихотворения этого цикла Нацагдордж записывал на обратной стороне оберток конфет «Мишка коколапый», которые с передачей приносила в тюрьму жена поэта Нина Николаевна Чистякова. Заметим, что образовавшаяся таким образом миниатюрная тетрадка сохранилась тоже благодаря вниманию Ц. Дамдинсурэна. С постоянной признательностью академику вспоминаю, что держала ее в руках, знакомясь с его архивом.

Обстоятельства жизни складывались так, что Нацагдордж не единожды изгонялся из своей эпохи и снова возвращался в нее. Ему неведомо было ожесточение. К счастью, ему не раз помогал оптимизм, не иссякала его творческая энергия. Он готов был работать переводчиком — с монгольского на немецкий — на заводе, где были иностранные специалисты, переводить книги с немецкого на монгольский. Его душа всегда принадлежала литературному творчеству.

Поэзия не была единственным полем притяжения таланта Д. Нацагдорджа. Очень просто об обращении поэта к прозе заметил Ц. Дамдинсурэн: «После того как Нацагдордж написал довольно много стихотворений, он начал писать маленькие рассказы. Стоит познакомиться с рассказами «Сын старого мира» («Хуучин хүү») и «Зимней ночью» («Өвлийн шөнө»), как убедиться в том, что этот писатель наблюдательным глазом художника видел жизнь монгольского арата-скотовода и знал ее досконально» [5: 10]. Д. Нацагдордж избрал прозу, чтобы в своих героях явить миру человека, жившего на монгольской земле на рубеже революционных преобразований, познавшего трудности, противоречия и сложности процесса созидания нового. Д. Нацагдордж искал средства для передачи в Слове всего того, что занимало его ум, волновало сердце; художественное видение активного участника революции, деятеля и творца новой культуры требовало отражения всего этого. Воспитанный на старой литературе, он не мог не сознавать, что она может сослужить добрую службу в продолжении летописи ежегодной жизни государства, каждодневных деяний отдельных личностей, его самого. Д. Нацагдордж шел по пути творческих исканий. Он размышлял над новым обращением к старой литературе с тем, чтобы она стала помощни-

цей в реалистическом воплощении замыслов, в их сочетании с гуманистическими идеями. Так появилась проза с героями, четко обозначенными в социальном противостоянии, — рассказ «Белый месяц и черные слезы» («*Цагаан сар ба хар нулимс*»), повествование «Неслыханные события» («*Үзэгдээгүй юм*»). Так увлекла возможность создания художественного портрета «Степной красавицы» («*Хөддө талын үзэсгэлэн*»). Так пришел Нацагдордж к рассказу о человеке, которого жизнь втягивает в непростые ситуации, создаваемые борьбой добра и зла, истинных и ложных чувств, подчас трудно распознаваемых. Об этом, собственно, по нашему мнению, рассказ «Слезы почтенного ламы» («*Ламбугай нулимс*»). Он занимает чуть больше трех страниц печатного текста. Как подлинно художественное произведение, рассказ неизменно привлекает к себе внимание на протяжении многих лет, что минули с момента его написания. Вокруг рассказа возникла дискуссия по поводу трактовки образа главного героя — ламы Лодона. Спор литературоведов перешел границы профессионального толкования сюжета, в него включились писатели. Как трактовать героя произведения? Автор обличает его или страдает ему? Дискуссия продолжилась и в 80-е гг. с постановкой на сцене национального театра оперы и балета одноименной (с рассказом) оперы. Ее создатели — автор либретто, композитор и режиссер-постановщик — по-своему раскрыли главную идею рассказа о смысле и правде бытия, о праве человека на искренние чувства, о боли, которую причиняют ложь и обман. Средствами оперного искусства они раскрыли трагедию человека, лишенного простой человеческой радости. Такая трактовка рассказа, принадлежащая современному монгольскому композитору Х. Билигсайхану. Он считал своей задачей «выразить чувства ламы, вначале влюбленного, затем обманутого и наконец понявшего всю бессмысленность своего существования» [3: 21]. О сюжете рассказа «Слезы почтенного ламы», о его главных героях в 90-е гг. размышляет монгольский литературовед Д. Цэдэв. Автор вступительной статьи к полному собранию сочинений писателя обращает внимание на характерный для Нацагдорджа прием художественного противопоставления героев, на невозможность определения места этого произведения в рамках привычного жанра. Как бы ни толковали сюжет рассказа «Слезы почтенного ламы», он знаменовал собой новую ступень в развитии монгольской прозы, являя собой удивительный пример соединения традиций и новаторства.

Новаторскими по мастерству стали такие поэтические произведения Д. Нацагдорджа, как «Моя родина», «Четыре времени года» («*Дөрвөн цаг*») и «Три печальных холма». И по мнению монгольского исследователя, Д. Нацагдордж пришел к новаторским вершинам в своем литературном труде в результате постоянного творческого поиска, глубокого знания монгольского фольклора и сочинений старой

литературы, знакомства и увлечения европейской и русской классикой.

Долгое время официальные власти держали в секрете отдельные факты из биографии Нацагдорджа. Совсем случайно можно было узнать о «падении со служебной лестницы», глухо говорилось об испытаниях, обрушившихся на Нацагдорджа после возвращения из Германии, о незаконных арестах, длительном содержании в тюрьме, об исключении из партии, что в те времена было равносильно гражданской казни, о настойчивых и безуспешных хлопотах, целью которых было получить разрешение на поездку в Ленинград, куда убежала не выдержавшая мытарств жена с нежно любимой им дочкой. Можно только догадываться и выкладывать собственную мозаику событий в жизни Нацагдорджа, которые несли ему радость. Это — место предпоследней службы, особенный мир Ученого комитета, в котором трудились старые монгольские интеллигенты и — рядом с ними — ученые с европейским образованием, такие как востоковед М. И. Губянский (1893—1937), или такая личность, как Цэбэн Жамцарано (1880—1937). В Ученом комитете помимо собирания монгольских рукописей и ксилографов занимались составлением словарей, терминологическими проблемами, устройством музея, археологическими исследованиями; были открыты кабинеты истории, картографии, предполагалось открыть кабинеты музыки, естествознания. Монгольский Ученый комитет был центром обширного человеческого общения.

Научная работа Нацагдорджа была главным образом связана с Кабинетом истории. Архивные материалы свидетельствуют: Нацагдордж работал в Ученом комитете, по его собственному признанию, сначала в качестве переводчика, а потом уже в должности научного сотрудника. Ц. Жамцарано, игравший активную роль в деятельности Ученого комитета, привлекал Нацагдорджа к переводческой работе. С немецкого они вдвоем переводили 1-ю книгу «Капитала» К. Маркса. Нацагдордж переведил с русского и немецкого языков труды по истории Монголии и о Монголии. В планы работы Ученого комитета входили переводы и издания художественной литературы. В их осуществлении Нацагдордж сыграл свою роль. В его переводах были изданы прозаические произведения А. С. Пушкина («Выстрел»), А. П. Чехова («Патриот своего отечества»), Э. По («Золотой жук») и др. Настоящее озарение сопутствовало его поэтическим занятиям и тогда, когда «заказывали» стихи о пользе современной медицины, и тогда, когда писал о сокровенном, о заповеданном историей ходе жизни, освященном многовековыми традициями, когда создавал свои бессмертные стихотворения «Моя родина» и «Четыре времени года».

Поэтическое творчество Нацагдорджа многогранно. Обращает на себя внимание лапидарность, присущая его поэтической речи. Поэтичны и его проза, и драматургия. Думается, не будет большим преувеличением сказать, что в поэзии выразились самые

сильные стороны таланта Нацагдорджа. Что бы он ни писал, он всегда оставался поэтом. Нацагдордж не успел поведать о самом себе, не оставил ни одной статьи, где можно было бы прочесть о его художественных принципах, вкусах, увлечениях. О творческих исканиях поэта, о путях к достижению цели мы можем судить по его литературному наследию.

Культурная ситуация в стране в середине 30-х гг. оставалась сложной. Явления классового неприятия старой культуры, открытого нигилизма, идеологические противоречия отражались на литературном процессе, нарушали его естественный ход, сказывались на судьбах литераторов. В этом контексте видится уход с арены революционного культурного строительства некоторых представителей прогрессивной национальной интеллигенции, в одних случаях уход добровольный, в других — насильственный. И жизнь Нацагдорджа складывалась трудно. Он, как мог, сопротивлялся навалившимся на него бедам. Счастье быть отцом, нежно любить дочь, как две капли воды похожую на него, тепло домашнего очага... Все это вмиг исчезло с отъездом — бегством жены с маленькой Анандой-Шри из Улан-Батора в Ленинград. Ему думалось, что можно разорвать круг несчастий — поехать к семье в Ленинград, где так хорошо жилось ему десять лет тому назад, заняться здоровьем, по-настоящему войти в науку... Он обращается с просьбами в инстанции...

После разлуки с любимыми Нацагдордж почти перестал писать лирические стихи. Так бывает с поэтами. Два последних стихотворения Нацагдорджа были обращены к жене и дочери («*Гэргий хүүхдээсээ хагацахуй*» («В разлуке с женой и дочерью») и «*Бид хоёр*» («Мы вдвоем»). Они были написаны после их отъезда в 1936 г.

В 1937 г. Нацагдорджа не стало. Обстоятельства гибели Д. Нацагдорджа точно не известны. Причиной смерти чаще всего называют отравление, случившееся после посещения одной из столичных *зунанз*. Смерть наступила тотчас после выхода на улицу. Говорили, что на кладбище тело Нацагдорджа сvez знакомый шофер... Место захоронения неизвестно. Нет сведений о том, что стало с его имуществом, с библиотекой. Судя по экспозиции в музее Д. Нацагдорджа, очень мало сохранилось личных вещей. Удалось собрать единицы. Разошлись, видимо, по рукам. Так же рассеялись по чужим домам его книги. В музее под стеклом в витрине одного из залов лежит изданный в 1925 г. в Берлине роман Л. Фейхтвангера «Еврей Зюсс» (на немецком языке). На титульном листе сверху автограф «*Natsok-Dordj*», а рядом еще одна надпись, сделанная по-монгольски: «*Хүү Ганба... дурсгав. Манай сод зохиолч Их Нацагдоржийн хувийн ном иүү*» («На память сыну Ганба... Это — собственная книга нашего выдающегося писателя Нацагдорджа Старшего»). Подпись дарителя датируется августом 1965 г. (!?) Нацагдордж, надо думать, привез из Германии немало книг для личной библиотеки. Немой свидетель — еще один экспонат в музее: изданная в Улан-Баторе в 1935 г. новелла

Э. По «Золотой жук» в переводе Нацагдорджа с немецкого. В предисловии переводчик-Нацагдордж представляет читателю американского писателя, рассказывает о его судьбе, подчеркивает энциклопедичность знаний Э. По и обращает внимание на его искусство проникновения в глубины человеческой души... Спасенной оказалась часть архива писателя. Заботу о сохранности рукописей проявил его молодой тогда коллега историк Ш. Нацагдордж. Сразу после кончины Д. Нацагдорджа он собрал находившиеся в доме покойного рукописи и передал их в кабинет языка Ученого комитета. Изучению авторского архива Нацагдорджа много лет посвятил Б. Содном. Они были почти ровесниками, их пути сошлись во время учебы в Германии, писатель и литературовед Б. Содном всю жизнь не оставлял поиска неизвестных, неопубликованных произведений Нацагдорджа. В результате тщательного просмотра прижизненных изданий газет, журналов, школьных хрестоматий, рукописных тетрадей самого Нацагдорджа и списков его произведений, оказавшихся у разных людей, к 1960 набралось почти 140 единиц художественного текста. В последнем, академическом издании их 187.

Временной промежуток между первыми поэтическими произведениями Нацагдорджа и последующими составляет три года. Получается, что с 1927 г. по 1930 г. Нацагдордж не сочинил ни одного стихотворения. Так ли это, с достаточной уверенностью сказать трудно. 1930 г. не стал в творчестве Нацагдорджа знаменательным в области поэтических свершений, скорее он был годом открытий в прозе и просто началом плодотворной поры. Поэзия и проза перемешаются. Нацагдордж будто испытывает свой талант, в каком жанре лучше выйдет. Мы встречаем сюжетное стихотворение, которое могло бы быть маленьким сатирическим рассказом, и маленький рассказ — подлинное стихотворение в прозе. Относительно часто появляются короткие стихотворения — четверостишия. Таков стихотворный набросок портрета индийской девушки-танцовщицы — «Индийская девушка» («*Энэтхэг бусгүй*»). В нем — дань восхищению ее экзотическим костюмом, красотой выразительных подвижных глаз: *Элдэг зоолон аашиар/ энхүү ертонцийг хайтуулсан/ Энэтхэгийн залуу бужигч охин/ чамтай танилцахыг хүснэ* («Весь мир покорила ты/ своим мягким, приветливым нравом,/ Юная индийская танцовщица,/ с тобой познакомиться хочу!») [19: 44].

Д. Нацагдорджу принадлежат переводы нескольких стихотворений Пушкина, в их числе «Анчар», «Земля и море», «Узник», «Ворон к ворону летит». В ряде переводов пушкинской поэзии на монгольский происходит органичное соединение поэтической афористики Пушкина с близкими по отточенности формы стихами монгольской народной поэзии. Ярким примером этого служит сделанный Д. Нацагдоржем перевод стихотворения «Ворон к ворону летит» (опубликован в 1949 г.). Пушкинское переложение с французского языка части шотландской баллады само по себе звучит согласно с канонами

русской народной поэзии. Монгольский перевод удивительным образом соответствует ему. Д. Нацагдордж, блестящий знаток монгольского языка, проявивший в собственном творчестве его богатые возможности, с чрезвычайной бережностью обращается с пушкинским текстом. Он сохранил целостность стихотворения, его смысл, ритм и даже порядок слов в стихе, хотя следовал монгольской просодии, соблюдая преимущественно единоначалие строк, что, впрочем, было совсем не трудно, т. к. и у Пушкина первые строки начинаются с одного и того же слова:

Хэрээ хэрээний зүг ниснэ,
Хэрээ хэрээндээ гуагалах нь:
Хэрээ бид хаа нэг идэж авна?
Ворон к ворону летит,
Ворон ворону кричит:
«Ворон, где б нам отобедать?»

Воспитанный на классической поэзии и фольклоре монголов, Д. Нацагдордж мастерски владеет искусством передачи синонимических образов и потому находит точные параллели для пушкинской строки. Так, русскому «В чистом поле» соответствует монгольский эквивалент «*Эзгүй талд*». Как и у Пушкина, в монгольском переводе печальной тональностью окрашена заключительная строфа, стилистически адекватно передана ее структура — глагольной рифмой завершаются первые две строки, через монгольскую внутреннюю рифму (после цезуры) сочетаются окончания и во второй паре:

Шонхор шугуйд нисэн оджээ,
Дайсан унан явжээ,
Харин гэргий нь амрагийг хүлээх нь
Алагдсаныг биш, амьдыг юмаа [17: 151].

Сокол в рошу улетел
На кобылку недруг сел
А хозяйка ждет милого
Не убитого, живого.

Д. Нацагдорджу принадлежит самый первый перевод из прозы Пушкина. Это — «Выстрел». Перевод бы сделан в 1935 г. для журнальной публикации и затем, в 1937 г., вышел отдельным изданием. Переводы Нацагдорджа, сразу ставшие литературным явлением, отличает редкая при переложении на монгольский язык близость к оригиналу. Главное для Нацагдорджа, насколько мы можем судить, — сохранить художественную действительность подлинника. Он не пренебрегает ни малейшей подробностью текста, чрезвычайно избирателен в изобразительных средствах, всецело подчиненных глубине художественного замысла, тому «духу создания», который был сформулирован Пушкиным в ответе на вопрос, кто этот Белкин: «кто бы он там ни был, а писать повести надо так — просто, коротко и ясно».

Во всякой переводческой практике, как известно, возникает немало трудностей. Сложность перевода с русского на монгольский усугубляется еще и тем,

что в соприкосновение приходят языки таких разных типов, когда могут возникать даже трудности синтаксического порядка, если переводчик стремится не только к сохранению художественности подлинника, но и к адекватному построению фразы.

Перевод «Выстрела» свидетельствует о бережном отношении Нацагдорджа к пушкинскому тексту. В том случае, когда тот или иной пространственный период на русском языке невозможно передать по-монгольски аналогичной фразеологической единицей, Нацагдордж осторожно разбивает этот период на несколько предложений. В иных случаях, пользуясь синтаксическими особенностями монгольского языка, Нацагдордж допускает слияние двух предложений в одно. Таким образом он сумел передать пушкинскую фразу с удивительной художественной точностью. В подтверждение трудно удержаться от цитирования, хотя и не каждому доступно сравнение русского и монгольского текстов.

Открываем текст «Выстрела»: «Мы стояли в местечке***. Жизнь армейского офицера известна. Утром ученье, манеж; обед у полкового командира или в жидовском трактире; вечером пунш и карты. В *** не было ни одного открытого дома, ни одной невесты; мы собирались друг у друга, где, кроме своих мундиров, не видали ничего».

Теперь приведем монгольский перевод: *Бид *** газарханд оршин авай. Цэргийн дарга нарын явдлыг хэн бүхэн мэднэ. Тэд оглоо жагсаалын сургууль, морин сургууль үйлдээд хоороны дарга буюу еврейн гуанзанд үдийн хоол идэнэм. Үдэи пунш ууж, хозор наадмуй. Дээрх газарт оролтой айл огт үгүй, залуу хүүхэн нэгэн ч үгүй. Бид оорсдийн албан хувцаснаас оор ч юу үл үзэгдэх тус тусын гэрт харилцан цуглармуй.*

Нацагдорджу удалось постичь стилистику пушкинского повествования, приблизить перевод к авторской тональности, найти максимально близкие выразительные средства. В результате получился точный по смыслу, эстетически адекватный перевод.

Д. Нацагдордж был избирателен в практике художественного перевода. Неожиданность в выборе авторов исключается. Пушкин и Чехов оказались рядом в его поразительно бережном и точном художественном переводе их произведений на монгольский язык. Кажется, что Нацагдордж взял их в проводники в своих творческих исканиях на путях воплощения в художественной прозе человека с его космической тайной бытия, сложностью природы и психологии.

На мастерстве перевода, которым владел Нацагдордж, подробно останавливается монгольский писатель Л. Тудэв в обширной статье к 100-летию со дня рождения Д. Нацагдорджа. «Он был одним из тех, кто посредством перевода, — пишет Л. Тудэв, — широко распахнул перед народом дверь для постижения завоеваний человечества в области культуры и науки» (*Дал.* 29/30 сентября 2006 г.). Л. Тудэв в учрежденной им газете отводит для юбилейной статьи по целой полосе в нескольких номерах.

Л. Тудэв подробно раскрывает деятельность Нацагдорджа в 30-е гг. в стенах Ученого комитета, специально останавливается на роли Нацагдорджа в качестве поборника введения в Монголии латиницы. Автор рассказывает о разработанных Нацагдорджем правилах перехода со старой монгольской вертикальной письменности на латиницу, приводит примеры ее эпизодического применения в периодической печати. Наконец упоминает правительственный документ, принятый «в год 99-летия Нацагдорджа» (т. е. в 2005 г. — К. Я.), уточняет Л. Тудэв, и рекомендующий обратиться к латинице. Памятуя о Нацагдордже — активном разработчике правил перехода на латиницу, Л. Тудэв в конце статьи в качестве подписи ставит факсимиле: *Natsok-Dordj*.

Следует заметить, что десятью годами раньше исследователь рукописного наследия Д. Нацагдорджа С. Лочин, писатель и текстолог, занимался историей вопроса о переходе в Монголии на латиницу, отметив участие Нацагдорджа в разработке соответствующих правил. В первый раз этот вопрос обсуждался в 1925 г. на IV съезде МНРП, затем директивно был повторен через 5 лет, после чего началась активная работа. С. Лочин приводит выдержки из просветительской статьи Д. Нацагдорджа «История распространения письменности», помещенной в журнале «*Шинжлэлийн мэдээлэл*» («Научные известия», 1931). В ней Нацагдордж пишет о возникновении письменности на разных континентах, о поступательном развитии латиницы в странах Европы и пути ее «... в Туву, Бурят-Монголию, вплоть до нашей Монголии» [12: 76]. В марте 1932 г. Д. Нацагдордж завершил подготовку работы «Монгольский язык и его латинизация» к печати. Свод правил состоял из трех разделов, включающих более шестидесяти параграфов. С. Лочин уточняет, что еще раз к проблеме латинизации в Монголии возвращались в 1940 г., когда обсуждался план перехода на новую письменность. Однако в марте 1941 г., через 5 дней после того как новый устав уже был разработан (со ссылкой на участие в свое время Нацагдорджа), неожиданно вышло постановление об отказе от латиницы и переходе на кириллицу [Там же].

Л. Тудэв в своей статье специально обращает внимание на написанное Д. Нацагдорджем в 1936 г. стихотворение «*Түүхийн иүлэг*» («Историческое»).

Примечательно, что это стихотворение, посвященное древней истории Монголии, удивительным образом своими мыслями совпадает с тем, как в 1929 г. в работе «Монголы — великие завоеватели» писал Ю. Н. Рерих, считая одним из самых поразительных событий человеческой истории создание великой монгольской империи, своим величием превзошедшей все кочевые империи прошлого (см.: [23: 298]). Строку из стихотворения «Историческое»: *Монгол хэмээх нэгэн нэр, ертөнцийн чихнээ дуурсгалтай* («Монгол — это имя на слуху мира, оно овеяно славой») поэт М. Цэдэндордж вынес в качестве заглавного эпитета на обложку составленной им

книги «Иностранцы о Монголии» («*Гадаадынхан Монголын тухай*», 1971).

У людей, читающих и перечитывающих поэзию и прозу Нацагдорджа, его драматургические произведения, задумывающихся над главными этапами его жизни, складывается представление о нем как о живом человеке с сердцем, наполненным добротой к людям, человеку деятельном и деликатном, наделенном необычайными творческими способностями и равной им работоспособностью. Нацагдордж сам не позволяет впасть в преувеличения: достаточно открыть некоторые книги из его личной библиотеки. В них, в заметках на полях, в тексте, в личной печати — экслибрисе — живые свидетельства постоянного духовного совершенствования. Одна из книг сохранила для нас редчайшую реликвию — обращение Нацагдорджа к читателю, которому он как переводчик предлагает познакомиться с произведением Э. По «Золотой жук» («*Алтан цох*»). По этой, для своего времени прекрасно изданной книге видно, что Нацагдордж считал необходимым дать как можно больше сведений об авторе и о культуре американского народа. Нацагдордж-переводчик, представляя автора «Золотого жука», рассказывает о творческой судьбе писателя, подчеркивает энциклопедичность его познаний и обращает особое внимание на искусство проникновения Э. По в глубины человеческой души, на тонкое понимание им человеческой психологии. Нацагдордж своими рассуждениями о прозе Э. По как бы поясняет мотивы выбора именно этого произведения. Он зовет читателя к знакомству с «логической новелой» Э. По, прибегая к хорошо известному монголам традиционному приему тавтологии. Он обещает — по мере прочтения — встречу на страницах книги «... с открытием занимательных вещей и со всем тем, что вызывает в человеке печаль, что порождает восхищение и чувство гордости, что заставляет улыбаться» [16: III]. Это замечание Нацагдорджа очень важно. В нем признание того, что для него наиболее существенно в литературе, а именно понимание гуманистического назначения творчества и следование ему.

Революционная эпоха, в которую жил Д. Нацагдордж, по-своему стимулировала творческие искания, и им было создано то, что стало художественной классикой. Вот почему произведения Нацагдорджа не умирают. Напротив, его все больше и больше читают. Многие стихотворения Нацагдорджа монголы знают, любят и помнят наизусть. Чем больше проходит времени с тех пор, когда жил и творил Д. Нацагдордж, тем очевидней становится глубина его творческого провидения.

В ноябрьские дни 2006 г. из Монголии приходили вести о том, что и в Монголии XXI в., в новой жизни страны люди по-прежнему хранят память о любимом поэте, по-прежнему почитают одного из основоположников современной отечественной литературы.

С каждым новым десятилетием, с тех пор как 70 лет тому назад черта разделила существование Нацаг-

дорджа на физические бытие и небытие, время стирает границу отдельности между ними. Оно все с большей настойчивостью возвращает Нацагдорджа тем, кто живет сейчас, демонстрируя его харизму, современность таланта, утверждая бессмертность его произведений.

Каждое следующее десятилетие посмертной славы Д. Нацагдорджа открывает новые грани его жизни

и творчества. Живыми остаются его классические произведения, продолжается воздействие на современников магнетизма личности писателя. Вместе со всей монгольской словесностью, с языком, на котором она существует и несет неповторимый заряд уникальности, творческое наследие Д. Нацагдорджа продолжает способствовать сохранению у монголов чувства национальной идентичности.

Литература

1. Балдан Л. Д. Нацагдоржийн зохиолын хэл найруулгын зарим онцлог (Некоторые особенности литературного стиля Д. Нацагдорджа). Улаанбаатар, 1978.
2. Балдан Л. Д. Нацагдоржийн амьдралын сүүлийн жилүүд (Последние годы жизни Д. Нацагдорджа) // Уран зохиол судлал (Литературоведение). Улаанбаатар, 1997. С. 48—54.
3. Билигсайхан Х. Новая опера. К 80-летию Д. Нацагдоржа // Монголия (журнал). 1986. № 11.
4. Герасимович Л. К. Литература Монгольской Народной Республики в 1921—1963 гг. Л., 1965.
5. Дамдинсүрэн Ц. Оршил (Введение) // Д. Нацагдорж. Зохиолын түүвэр (Сборник произведений). Улаанбаатар, 1945.
6. Дамдинсүрэн Ц. Оршил // Д. Нацагдорж. Зохиолууд (Сочинения). Улаанбаатар, 1961.
7. Дашням Г. Д. Нацагдоржийн уг гарал өвөг дээдэс (Происхождение и предки Д. Нацагдорджа) // Уран зохиол судлал. Улаанбаатар, 1997. С. 86—92.
8. Д. Нацагдоржийн тухай дуртгал, тэмдэглэл (Воспоминания, заметки о Нацагдордже). Улаанбаатар, 1966.
9. Д. Нацагдоржийн уран бүтээлийн тухай (О творчестве Д. Нацагдорджа). Улаанбаатар, 1978.
10. Катаев В. Слово о Нацагдорже // Книга братства. М.; Улан-Батор, 1971. С. 483—484.
11. Лочин С. Д. Нацагдоржийн зохиолын эх бичгийн судлалын асуудалд (К проблеме исследования рукописного наследия Д. Нацагдорджа). Улаанбаатар, 1984.
12. Лочин С. Үсэг бичгийн талаарх Нацагдоржийн баримтлал (Руководство по письменности Нацагдорджа) // Уран зохиол судлал. Улаанбаатар, 1997. С. 78—85.
13. Лувсанвандан С. Дашдоржийн Нацагдорж. Улаанбаатар, 1966.
14. Михайлов Г. И. Д. Нацагдорж // Очерк истории современной монгольской литературы. М., 1955. С. 73—87.
15. Михайлов Г. И., Яцковская К. Н. Монгольская литература. Краткий очерк. М., 1969.
16. Нацагдорж Д. Оршил (Введение) // По Э. Алтан цох (Золотой жук). Улаанбаатар, 25-р он (1935).
17. Нацагдорж Д. Зохиолын түүвэр (Собрание сочинений). Улаанбаатар, 1955.
18. Нацагдорж Д. Избранное. М., 1956.
19. Нацагдорж Д. Зохиолууд (Сочинения). Улаанбаатар, 1961.
20. Нацагдорж Д. Бүрэн түүвэр (Полное собрание). Улаанбаатар, 1996.
21. Отгонсүрэн Д. Нацагдоржийн зохиолын хэл найруулга, уран сайхны онцлог (Стилистические и художественные особенности сочинений Д. Нацагдорджа). Улаанбаатар, 1984.
22. Поэзия Народной Монголии. М., 1985.
23. Рерих Ю. Н. Монголия. Путь завоевателей // Тибет и Центральная Азия: Статьи. Лекции. Переводы. Самара, 1999.
24. Содном Б. Д. Нацагдоржийн намтар зохиол (Жизнь и сочинения Д. Нацагдорджа). Улаанбаатар, 1966.
25. Тудэв Л. Первый год республики. Улан-Батор, 1989.
26. Яцковская К. Н. Дашдоржийн Нацагдорж. Жизнь и творчество. М., 1974; То же на монг. яз. Улаанбаатар, 1976.
27. Яцковская К. Н. Дашдоржийн Нацагдорж // Поэты Монголии XX в. М., 2002.
28. Очир А., Дашням Г. Д. Нацагдорж: нийгэм, улс төр, эрдэм судлалын үйлс амьдрал (Д. Нацагдорж: общественная, политическая, научная деятельность и жизнь). Улаанбаатар, 1996.
29. Жачин Ч. Зохиолын эх бичигт хийсэн ажиглалт тэмдэглэл (Наблюдения и заметки на полях рукописей [Д. Нацагдорджа]). Улаанбаатар, 1987.
30. Цэдэв Д. Дашдоржийн Нацагдорж, түүний уран бүтээл (Дашдоржийн Нацагдорж, его творчество) // Дашдоржийн Нацагдорж. Бүрэн түүвэр. Улаанбаатар, 1996. С. 7—41.